

ведениях художества — только бессознательный лепет спящего. Это воззрение я должен назвать славянофильским — ибо оно носит на себе характер этой школы: „здесь все черно — а там все бело” — „правда вся сидит на одной стороне”. А мы, грешные люди, полагаем, что таким маханием с плеча топором только себя тешишь... Впрочем, оно, конечно, легче; а то, признавши, что правда и там и здесь, что никаким резким определением ничего не определишь — приходится хлопотать, взвешивать обе стороны и т. д. А это скучно. То ли дело брякнуть так, по-военному: Смирно! Ум — пошел направо! марш! стой, равняйся! — Художество! налево — марш! стой, равняйся! — И чудесно! Стоит только подписать рапорт — что всё, мол, обстоит благополучно» (П 4, 330).

Отрывок этот примечателен не только убедительным протестом против «стерилизации» искусства, т. е. против «бессознательного творчества», о котором говорит Базаров, но и очень важным для понимания философской, идеологической и эстетической позиций Тургенева неприятием какой бы то ни было односторонности, ортодоксальности, что во многом и предопределило как смысл романа «Отцы и дети», так и реакцию на него многочисленных «партийных» интерпретаторов.

Даже базаровская резкость формулировок свойственна Тургеневу не только как автору романа. «Где Вы нашли эманципе в Карташевской? — читаем в одном из писем. — Она просто кусок женского мяса, некогда казавшийся мне красивым» (П 4, 281). Рассказывая приятелю о своей предполагаемой дуэли с Л. Толстым, Тургенев оценивает ее совсем по-базаровски: «При всем моем отвращении к дуэлям и прочим феодальным обычаям — мне ничего другого не оставалось — и весною мы станем нос с носом, как петухи» (П 4, 292).

В Базарове очень много сокровенного, авторского, не случайно писатель впоследствии признавался: «...вероятно, многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений на художества — я разделяю почти все его убеждения» (П 8, 456), а в письме Н. Х. Кетчеру от 4 (16) октября 1869 года подтвердил это признание: «В последнем отрывке „По поводу «Отцов и детей»” ты встретишь profession de foi, которая тебя, быть может, удивит; но ты ее оставь и не трогай — ибо она выражает истинные мои чувства» (П 8, 103).

Дистанцируясь от *новых людей*, к числу которых принадлежит его герой, и зачисляя себя «в старое поколение, не понимающее новых слов и дел» (П 4, 278), Тургенев тем не менее не только разделял критический пафос своего нигилиста, но и отдал ему свой философский скепсис, причем в Базарове это органично сошлось.

В основе базаровского отрицания, при всех вульгарно-материалистических издержках и эпатажности некоторых его проявлений, лежит глубоко содержательный, осмысленный, аналитический подход к действительности, тот самый подход, о котором как о явлении исключительном писал Добролюбов за пять лет до выхода романа «Отцы и дети»: «...редкие решаются собственным умом проверить чужие внушения, внести в чужие системы свет собственной мысли и ступить на дорогу беспощадного отрицания для отыскания чистой истины».²⁹ В сущности, это было пророчество о Базарове, несомненно принадлежащем к числу тех *редких* мыслителей, которые не громоздят взамен отживших или чуждых им мировоззренческих систем свои собственные с целью «самооправдания» и обвинения тех, кто сомневается «в безусловной справедливости данной системы и высоких нравствен-

²⁹ Добролюбов Н. А. Избр. статьи. С. 63.